

Песнь о великом походе. Сергей Александрович Есенин

Эй вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные!
Не народ, а дрохва
Подбитая.
Русь нечесаная,
Русь немытая!
Вы послушайте
Новый вольный сказ.
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй – про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив и смел.
Был мастак слагать
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.
Ой, во городе
Да во Ипатьеве
При Петре было
При императоре.
Говорил слова
Непутевый дьяк:
«Уж и как у нас, ребята,
Стал быть, царь дурак.
Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит Питер-град

На немецкий лад.
Видно, делать ему
Больше нечего.
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Бра?ды, у?сие.
Как не плакаться
Тут над Русию?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною».
Услыхал те слова
Молодой стрелец.
Хвать смутьянщика
За тугой косец.
«Ты иди, ползи,
Не кочурься, брат.
Я свезу тебя
Прямо в Питер-град.
Привезу к царю.
Кайся, сукин кот!
Кайся, сукин кот,
Что смущал народ!»
По Тверской-Ямской
Под дугою вбряк
С колокольцами
Ехал бедный дьяк.
На четвертый день,
О полднёвых пор,
Прикатил наш дьяк
Ко царю, во двор.
Выходил тут царь
С высока? крыльца,
Мах дубинкою —
Подозвал стрельца.
«Ты скажи, зачем

Прикатил, стрелец?
Аль с Москвы какой
Потайной гонец?»
«Не гонец я, царь,
Не родня с Москвой.
Я всего лишь есть
Слуга верный твой.
Я привез к тебе
Бунтаря-дьяка.
У него, знать, в жисть
Не болят бока.
В кабаке на весь
На честной народ
Он позорил, царь,
Твой высокий род».
«Ну, – сказал тут Петр, —
Вылезай-кось, вошь!»
Космы дьяковы
Поднялись, как рожь.
У Петра с плеча
Сорвался кулак.
И навек задрал
Лапти кверху дьяк.
У Петра был двор,
На дворе был кол,
На колу – мочало.
Это только, ребята,
Начало.
Ой, суров наш царь,
Алексеич Петр.
Он в единый дух
Ведро пива пьет.
Курит – дым идет
На три сажени,
Во немецких одеждах
Разнаряженный.
Возгово?рит наш царь

Алексеич Петр:
«Подойди ко мне,
Дорогой Лефорт.
Мастер славный ты
В Амстердаме был.
Русский царь тебе,
Как батрак, служил.
Он учился там,
Как топор держать.
Ты езжай-кось, мастер,
В Амстердам опять.
Передай ты всем
От Петра поклон.
Да скажи, что сейчас
В страшной доле он.
В страшной доле я
За родную Русь...
Скоро смерть придет,
Помирать боюсь.
Помирать боюсь,
Да и жить не рад:
Кто ж теперь блюсти
Будет Питер-град?
Средь туманов сих
И цепных болот
Снится сгибший мне
Трудовой народ.
Слышу, голос мне
По ночам звенит,
Что на их костях
Лег тугой гранит.
Оттого подчас,
Обступая град,
Мертвецы встают
В строевой парад.
И кричат они,
И вопят они.
От такой крични

Загашай огни.

Говорят слова:

„Мы всему цари!

Попадешься, Петр,

Лишь сумей, помри!

Мы сдерем с тебя

Твой лихой чупрын,

Потому что ты

Был собачий сын.

Поблажал ты знать

Со министрами.

На крови для них

Город выстроил.

Но пускай за то

Знает каждый дом —

Мы придем еще,

Мы придем, придем.

Этот город наш,

Потому и тут

Только может жить

Лишь рабочий люд“».

Смолк наш царь

Алексеич Петр,

В три ручья с него

Льет холодный пот.

Слушайте, слушайте,

Вы, конечно, народ

Хороший!

Хоть метелью вас крой,

Хоть порошей.

Одним словом,

Миляги!

Не дадите ли

Ковшик браги?

Человечий язык,

Чай, не птичий!

Славный вы, люди,

Придумали
Обычай!
И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплакав.
И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил.
Но с того вот дня,
Да на двести лет
Дуракам-царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подзёмный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд!
Мы сгребем дворян —
Да по плечи им,
На фонарных столбах
Перевешаем!»
Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ —
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?

Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай как хошь
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.
Веселись, душа
Молодецкая!
Нынче наша власть,
Власть советская!
Офицерики,
Да голубчика
Прикокошили
Вчера в Губчека.
Ни за Троцкого,
Ни за Ленина —
За донского казака
За Каледина.
Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так еще
Подотрем вам нос!»
А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.
И на по?мог им,

Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.
Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы, крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни ногой вас не взять,
Ни рязанами.
Вы голъем пошли гулять
С партизанами.
Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать,
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать.
Чтоб шумела рожь
И овес звенел.
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.
Ну и как же тут злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему:
«Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами».
А у нас для них поют:
«Куда ты котишься?
В Вечека попадешь —
Не воротишься».
От одной беды
Целых три растут.
Вдруг над Питером

Слышен новый гуд.

Не поймет никто,

Отколь гуд идет:

«Ты не смей дремать,

Трудовой народ!

Как под Питером

Рать Юденича!»

Что же делать нам

Всем теперича?

И оттуда бьют,

И отсель палят.

Ой ты, бедный люд!

Ой ты, Питер-град!

Но при всякой беде

Веет новью вал.

Кто ж не вспомнит теперь

Речь Зиновьева?

Дождик лил тогда

В три погибели.

На корню дожди

Озимь выбили.

И на энтот год

Не шумела рожь.

То не жизнь была,

А в печенки нож!

А Зиновьев всем

Вел такую речь:

«Братья, лучше нам

Здесь костями полечь,

Чем отдать врагу

Вольный Питер-град

И идти опять

В кабалу назад».

А за синим Доном

Станицы казачьей

В это время волк ехидный

По-кукушьи плачет.

Говорит Корнилов

Казакам поречным:

«Угостите партизанов

Вишеньем картечным!

С Красной Армией Деникин

Справится, я знаю.

Расстелились наши пики

С Дона до Дунаю».

Ой ты, атамане!

Не вожак, а соцкий.

А на что ж у коммунаров

Есть товарищ Троцкий?

Он без слезной речи

И лихого звона

Обещал коней нам наших

Напоить из Дона.

Вей сильней и крепче,

Ветер синь-студеный!

С нами храбрый Ворошилов,

Удалой Буденный.

Если крепче жмут,

То сильней орешь.

Мужику одно:

Не топтали б рожь.

А как пошла по ней

Тут рать Деникина,

В сотни верст легла

Прямо в никь она.

Над такой бедой

В стане белых ржут.

Валят сельский скот

И под водку жрут.

Мнут крестьянских жен,

Девоч лапают.

«Так и надо вам,

Сиволапые!

Ты, мужик, прохвост!

Сволочь! бестия!

Отплати-кось нам
За поместья.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать».
Ой ты, синяя сирень,
Голубой полисад.
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены.
Заливные луга
Не покосены.
И примят овес,
И прибита рожь.
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?
Но сильнее всего
Те встревожены,
Что ночью не спят
В куртках кожаных.
Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад.
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.
Там под Лиговом
Страшный бой кипит.
Питер траурный
Без огней не спит.
Миг – и вот сейчас
Враг проломит все,
И прощай, мечта
Городов и сел...
Пот и кровь струит
С лиц встревоженных.
Бьют и бьют людей

В куртках кожаных.

Как снопы, лежат

Трупы по полю.

Кони в страхе ржут,

В страхе топают.

Но напор от нас

Все сильнее, сильнее,

Бьются восемь дней,

Бьются девять дней.

На десятый день

Не сдержался враг...

И пошел чесать

По кустам в овраг.

Наши взад им: «Крой!..»

Пушки бьют, палят...

Ай да славный люд!

Ай да Питер-град!

А за Белградом,

Окол Харькова,

Кровью ярь мужиков

Перехаркана.

Бедный люд в Москву

Босиком бежит.

И от стога, и от рева

Вся земля дрожит.

Ищут хлеба они,

Просят милости.

Ну и как же злобной воле

Тут не вырасти?

У околицы

Гуляй-полевой

Собиралися

Буйны головы.

Да как стали жечь,

Как давай палить!

У Деникина

Аж живот болит.

Эх, песня!

Песня!

Есть ли что на свете

Чудесней?

Хоть под гусли тебя пой,

Хоть под тальяночку.

Не дадите ли вы мне,

Хлопцы,

Еще баночку?

Ах, яблочко,

Цвета милого!

Бьют Деникина,

Бьют Корнилова.

Цветочек мой!

Цветик маковый!

Ты скорей, адмирал,

Отколчакивай.

Там за степью гул,

Там за степью гром.

Каждый в битве защищает

Свой отцовский дом.

Курток кожаных

Под Донцом не счесть.

Видно, много в Петрограде

Этой масти есть.

В белом стане вопль,

В белом стане стон.

Обступает наша рать

Их со всех сторон.

В белом стане крик,

В белом стане бред.

Как пожар стоит

Золотой рассвет.

И во всех кабаках

Огни светятся...

Завтра многие друг с другом

Уж не встретятся.

И все пьют за царя,

За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.
В красном стане храп.
В красном стане смрад.
Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.
На заре, заре,
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:
«Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут.
Будет крыть нас плеть.
Всем весь век тогда
В нищете корпеть».
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул.
Громко кашлянув,
«На, – сказал он мне, —
Дома нет сапог,

Передай жене».

На заре, заре,

В дождевой крутень

Свистом ядерным

Мы сушили день.

Пуля входит в грудь,

Как пчелы ужал.

Наш отряд тогда

Впереди бежал.

За лощиной пруд.

А за прудом лог.

Коммунар ничком

В землю носом лег.

Мы вперед, вперед!

Враг назад, назад!

Мертвецы пусть так

Под дождем лежат.

Спите, храбрые,

С отзвучавшим ртом!

Мы придем вас всех

Хоронить потом.

Вот и кончен бой,

Машет красный флаг.

Не жалея пят,

Удирает враг.

Удивленный тем,

Что остался цел,

Молча ротный наш

Сапоги надел.

И сказал: «Жене

Сапоги не враз.

Я их сам теперь

Износить горазд».

*

Вот и кончен бой,

Тот, кто жив, тот рад.

Ай да вольный люд!

Ай да Питер-град!

От полуночи

До сина утра

Над Невой твоей

Бродит тень Петра.

Бродит тень Петра,

Грозно хмурится

На кумачный цвет

В наших улицах.

В берег бьет вода

Пенной индевью...

Корабли плывут

Будто в Индию...

Июль 1924

Ленинград